

И. Нийнилуото

ИСТИНА. АБСОЛЮТНАЯ ИЛИ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ?¹

Предисловие переводчика

Автор статьи Илькка Нийнилуото — один из ведущих современных финских философов, логик и математик, профессор университета Хельсинки с 1981 г. Сферу научных интересов И. Нийнилуото составляет проблематика истины и ее определений в логике и философии науки. Наиболее влиятельный результат И. Нийнилуото — концептуальный плюрализм, или критический научный рационализм, основанный на его концепции правдоподобия и приближения к истине и нашедший отражение в его монографиях «Правдоподобие» (1987), «Критический научный реализм» (2002).

И. Нийнилуото является главным редактором ведущего философского журнала Финляндии *Acta Philosophica Fennica*, а с 2008 г. — канцлером университета Хельсинки (где в 2003–2008 гг. был ректором).

Проблематика теорий истины достаточно широко обсуждается в российских публикациях по философии науки и логике — так было в 70–80-х годах XX в., когда зародилась традиция сотрудничества российских и финских ученых в форме коллоквиумов по логике и методологии науки; так обстоит дело и сегодня, и профессор И. Нийнилуото вместе со своими коллегами является одним из активных продолжателей этой традиции. Публикацией его статьи мы хотели бы в духе времени придать новый импульс этой плодотворной традиции и открыть обсуждение логико-философских вопросов, над которыми работают как финские, так и российские ученые, на страницах ведущих периодических научных изданий.

Интерес к историко-логическим, риторико-аргументологическим и когнитивным исследованиям, проявившийся в проектах петербургских логиков в последние два десятилетия, показывает, что изучение особенностей решения фундаментального философского вопроса о сущности истины, способов построения соответствующих ее определений и семантических формализмов по-прежнему составляет ядро логической науки. Ключевая задача анализа аргументации заключается в создании определения отношения, аналогичного отношению логического следования, но с поправкой на диалоговый характер и агентные структуры в плане предъявления пропозиций, часть из которых может выступать в форме недескриптивных выражений [1–2]. Объективный характер истины и плюрализм в средствах ее выражения, отстаиваемые И. Нийнилуото, позволяют заключить, что решение этой задачи может быть найдено в логико-лингвистической сфере, что открывает возможность задействования потенциала прагматики и когнитивной науки. Результаты историко-логических исследований показывают: несмотря на различия в понимании того, что является необходимым и достаточным коррелятом истины, какие гносеологические факторы выступают решающими в плане продвижения к ней и в чём состоит надлежащий способ ее достижения, само понятие истины как методологический принцип и эпистемический идеал остается свободным от релятивистских и дефляционистских наслоений [3].

Е. Лисанюк

Нийнилуото Илькка (Niiniluoto Ilkka) — доктор философии, профессор, канцлер Университета Хельсинки (Финляндия); e-mail: ilkka.niiniluoto@helsinki.fi

Савченко Артем Александрович — аспирант, Балтийский Федеральный университет им. И. Канта; e-mail: timssummer0@gmail.com

Лисанюк Елена Николаевна — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: elenalisanyuk@yandex.ru

¹ Перевод Е. Н. Лисанюк, А. А. Савченко.

Работа Е. Н. Лисанюк поддержана грантом РФНФ № 11-03-00601а. Работа А. А. Савченко поддержана грантом РФФИ № 12-06-00285а. Переводчики благодарны И. Б. Микиртумову за ценные замечания.

© И. Нийнилуото, 2013

Абсолютна истина или относительна — в этом заключается один из фундаментальных философских вопросов. В рядах пылких сторонников абсолютного характера понятия истины много польских логиков и философов, начиная с К. Твардовского с его влиятельной статьей 1900 г., и вплоть до семантического определения истины А. Тарского [1]. Я. Воленьский и П. Саймонс даже предположили, что Тарский не вводил идею относительности истины на модели в 30-х годах из-за «опасения, что это может привести к релятивизму» [2, р. 422]. Г. Каппелен и Д. Хоуторн, представившие справедливую контекстуалистскую критику новой школы релятивистов [3], похоже, разделяют это опасение. Они тоже приводят доводы против семантики возможных миров, утверждая, что истина является монадическим свойством пропозиций. По моему мнению, различного рода алетические релятивисты ошибаются, когда говорят, что истины относительны в зависимости от людей, сообществ, культур, верований, парадигм или точек зрения [4; 5]. Вместе с тем то понятие, которое Тарский называл «классической аристотелевской концепцией истины» [6, р. 330], по сути, является относительным, — это демонстрирует средневековая формула: *истина есть соответствие вещи и [представления] интеллекта [о ней] (veritas est adequatio rei et intellectus)*. Однако такой относительный образ истины совместим с ее объективностью. Действительно, с моей точки зрения, теоретико-модельная концепция истины Тарского с поправкой на понятие правдоподобия обеспечивает адекватную основу для критически-фаллибилистского научного реализма [7; 8].

I. От объективного знания к фаллибилизму

В своей кампании против скептиков и релятивистов Платон разработал объективистское понятие знания (*episteme*) как истинного мнения, имеющего обоснование или объяснение. В то время как мнения действительно могут быть относительны в том смысле, что разные люди могут иметь несовместимые мнения, основание объективности знания может быть найдено в безличной природе обоснования, — так считал Платон, указывавший на строгость доказательств в геометрии. Вместе с тем он также отстаивал объективность истины (*aletheia*) с помощью своего метафизического учения о неизменном мире идей или форм. В свою очередь, Аристотель приводил аргументы в пользу объективности истины в контексте своей философии, стремящейся в большей степени к познанию реального мира: «Истинно говорить о существующем, что оно есть, а о несуществующем, что его нет» [9, р. 342]. Такую точку зрения можно назвать семантическим реализмом, и согласно ей, истина есть соответствие (*adequatio*) между убеждениями и реальностью, независимой от разума. В этом случае истина некоего убеждения или утверждения p основывается на корреляции пропозиции p с положением дел или фактов, достигнутым в мире W . При этом факт того, имеется ли такая корреляция между p и W , от наших взглядов и желаний не зависит. Таким образом, истины факта не являются относительными в зависимости от людей, и их следует отличать как от эпистемологической (не) определенности, свойственной мнениям, так и от критериев и коррелятов истины, помогающих нам ее распознать.

Среди мыслителей-рационалистов, равно как и среди эмпириков, найдется немало последователей Платона и Аристотеля, выступающих за некое строгое понятие обоснования, которое гарантировало бы полную или окончательную достовер-

ность. Противоположную позицию занимали сторонники идей античной школы скептицизма, советовавшие для всякой пропозиции p воздержаться от утверждения (*epoche*) p там, где нет достоверного знания ни относительно p , ни относительно его отрицания $\sim p$. Такая осторожная стратегия помогала скептикам избежать ошибок принятия ложного за истинное, т. е. согласия с ложными утверждениями, но в то же время порождала ошибки неведения, т. е. отказа согласиться с истинными утверждениями. Скептиками античных Академий была выдвинута и альтернативная умеренная точка зрения о том, что убеждение и обоснование могут иметь степени [10]. Эту идею при переводе греческого термина *pithanon*, принадлежащего скептику Карнеаду, Цицерон выразил через латинские термины *вероятно* (*probabile*) или *правдоподобно* (*veri simile*). В конце XIX в. понятия правдоподобия и вероятности стали ключевыми положениями концепции, которую Ч. С. Пирс назвал фаллибилистской эпистемологией [11].

Согласно слабой, или пробабилистской, версии фаллибилизма, знание может быть в действительности истинным, но в силу того, что вероятность некоторой гипотезы выражает степень ее достоверности, основанной на доступных данных, ответ на вопрос об истинности знания можно дать лишь с той или иной степенью определенности. Сильная версия фаллибилизма утверждает, что хотя любая гипотеза может на проверку оказаться ложной, она способна приблизить нас к истине. Такой подход характерен для динамических теорий, согласно которым научное исследование может начинаться с неверных мнений, но при определенных условиях оно будет постепенно приближаться к истине, по крайней мере, как к пределу. Подобные взгляды были формально представлены в возникших позже теориях правдоподобности (*truthlikeness*) и схожести (*verisimilitude*), которые измеряют расстояние между некоторой теорией и полной истиной [12; 7; 13].

В связи с понятиями вероятности и правдоподобия важной чертой слабой и сильной версий фаллибилизма является тот факт, что они поддерживают идеал объективной истины и научного прогресса, не поддаваясь манящему релятивизму. В 1935 г. семантическое определение истины Тарского стало откровением для многих его фаллибилистски настроенных современников. Р. Карнап предложил различать объективную истину и подтверждаемость, зависящую от времени или данных, а Карл Поппер приветствовал «реабилитацию корреспондентной теории истины» [14]. Позже приверженцы научного реализма объединили фаллибилизм и реализм, утверждая, что рациональность научных методов зависит от их способности приближать научное сообщество к объективной истине, в противовес [15; 8] взглядам таких релятивистов, как Барнс и Блур, а также Фейерабенд.

II. Доксастические (doxastic) и эпистемические теории истины

Наиболее радикальным доксастическим подходом к истине является интерпретация Платоном Протагора как субъективного релятивиста. Имея в виду данную идею, К. Твардовский утверждал, что субъективистская трактовка истины как «истины только для определенного субъекта» в конечном счете ведет к конфликту с основными законами логики [1, р. 48]. Для того чтобы исследовать данный вопрос [4; 5], определим высказывание p как истинное для субъекта a (символически T_{ap}) если и только если a считает, что p (символически V_{ap}). Соответственно, p является лож-

ным для субъекта a , если a полагает, что не- p , т. е. $V_a \sim p$. Данное понятие индивидуальной истины, а также его расширение на сферу групповых убеждений относительно в том смысле, что для разных индивидов a и b может иметь место $T_a p$ & $T_b \sim p$.

Будем считать, что оператор убеждения V_a имеет логические свойства, заданные доксистической логикой Я. Хинтикки [16]. Тогда предикат индивидуальной истины T_a будет удовлетворять некоторым принципам «логики истины» фон Вригта [17; 18]:

$$(1) \quad T_a(p \& q) \equiv (T_a p \& T_a q),$$

$$(2) \quad T_a p \rightarrow T_a(p \vee q),$$

$$(3) \quad T_a p \rightarrow \sim T_a \sim p,$$

$$(4) \quad T_a p \rightarrow T_a T_a p.$$

Однако следующие условия не выполняются:

$$(5) \quad T_a(p \vee q) \rightarrow (T_a p \vee T_a q),$$

$$(6) \quad T_a p \vee T_a \sim p,$$

$$(7) \quad T_a T_a p \rightarrow T_a p.$$

Вследствие того, что утверждение p не имеет условий истинности, отдельных от убеждений некоторого индивида, формулы, соответствующие Т-эквивалентности, предложенной Тарским в качестве условия для любого адекватного определения истины [19, p. 188], т. е.

$$(8) \quad T_a p \equiv p,$$

оказываются вовсе бессмысленными. Даже если бы они имели смысл, они не стали бы приемлемыми, потому что формулы $V_a p \rightarrow p$ и $p \rightarrow V_a p$ не выполняются в доксистической системе Хинтикки. Также не выполняется формула фон Вригта $T_a(T_a p \equiv p)$ [17].

Отождествление истины с личными убеждениями ведет к тому, что становится невозможным ни признать существование каких-либо истин, неизвестных субъекту убеждений, ни допустить, что некоторые собственные убеждения субъекта ложны [20, p. 82]. К данному замечанию можно добавить и другие трудности, связанные с классическими непоследовательными рассуждениями относительно релятивизма [21]. Предположим, некто полагает, что p , — что это означает для сторонника релятивизма? Если такое утверждение о наличии убеждения при определенных условиях может быть истинным в абсолютном смысле, то по меньшей мере крайний релятивист проиграет в споре с абсолютистом. Напротив, утверждение $V_a p$ следует понимать в относительном смысле, т. е. как идею о том, что $V_a p$ истинно для субъекта a , т. е. $T_a V_a p$ или $V_a T_a p$. Но такой итерации операторов убеждения или относительных операторов истины не будет конца. Например, Х. Патнэм [22, p. 120] считает, что со-

гласно субъективистской и релятивистской позиции Протагора фразу «снег белый» надлежит понимать следующим образом:

- (9) Я думаю, что я думаю, что я думаю... (с бесконечным количеством «я думаю») что снег белый.

В такой ситуации для релятивистов оказывается по меньшей мере затруднительно высказывать свое мнение, а для других людей — понимать его. Похожие сомнения могут быть выдвинуты касательно того, что всякая истина относительна в связи с какими-либо взглядами или точками зрения [4].

Таким образом, имеются основания заключить, что попытки определить индивидуальную истину относительно субъекта (« p истинно для a ») каким-либо подходящим для этого способом не являются успешными [23; 24; 21].

Несколько более многообещающей представляется идея определить истину как утверждаемость, характеризующуюся условием, что высказывание p доказуемо в аксиоматической системе S . Известно, что такая трактовка истины приводит к системам с истинностными предикатами (*truth-systems*), удовлетворяющим принципам интуиционистской логики [25], но попытка расширить это доказуемое понятие истины от математики к эмпирическим суждениям сталкивается с серьезными трудностями [26]. Более того, теорема неполноты Гёделя показывает, что для любой аксиоматической системы арифметики имеются истинные, но недоказуемые суждения. Таким образом, отождествлять истинность и доказуемость нельзя.

В школе американского прагматизма была разработана фаллибилистская эпистемология с опорой на эпистемическую концепцию истины. Сторонники этой школы считают, что такие понятия, как «верификация» (У. Джеймс) или «оправданная утверждаемость» (Д. Дьюи), служат суррогатами объективной истины. Некоторые логические позитивисты используют другое эпистемическое понятие, родственное этим, — «когерентность» [27]. Эти подходы с легкостью ведут к релятивистской позиции, позволяющей, чтобы некоторые противоречащие друг другу высказывания были одновременно истинными. Более того, согласно подобным взглядам, неизвестных истин вообще не бывает, и все до сих пор известные истины должны быть непременно истинны для кого-нибудь. Чтобы избежать таких следствий, необходимо прибегнуть к идеальным условиям, таким как «предел исследования» (Пирс), «перекрывающийся консенсус» в некотором сообществе дискурса (Хабермас) [28] или «идеальная приемлемость» (Патнэм) [23], но при этом по-прежнему остается неясным, осуществимо ли всё это вне предположения о некоем семантическом реализме, причем таким способом, чтобы избежать круга в обосновании.

Критические замечания по поводу субъективного релятивизма применимы также и к попыткам увязать истину с различного сорта групповыми убеждениями. То, что обычно называют «научным знанием», на деле представляет собой мнение, разделяемое определенным научным сообществом [29], поэтому результаты научного исследования, принимаемые на некотором этапе, исторически изменчивы и непостоянны во времени. Вплоть до конца XIX в. механика Ньютона была важнейшей частью научной картины мира того времени, но затем теория относительности и квантовая механика вытеснили ее. Так как мы привыкли мыслить в манере Платона, что знание подразумевает истину, данное изменение можно считать свидетель-

ством того, что научная «истина» изменилась. Подобные соображения послужили поводом для возникновения гегелевского динамического понимания «истины как процесса», британских нео-гегельянских учений о «степенях истины» и марксистской дискуссии о «диалектике абсолютной и относительной истины» [7]. Но более естественная интерпретация изменений в науке заключается в том, чтобы признать, что истина не изменяется и не становится относительной в связи с непостоянными коллективными убеждениями ученых. В становящейся во времени системе «научного знания» могут содержаться фрагментарные истины и правдоподобные заблуждения, и она вообще не удовлетворяет платоновскому определению *эпистемы* в том, что касается условия ее достижимости [7; 8].

Подобные замечания применимы и к культурному релятивизму. Возникновение во второй половине XIX в. исторических, этнологических и социальных наук выявило удивительное разнообразие культур, созданных людьми. Даже если эти культуры подразумевают существование различных когнитивных систем, могущих в какой-то мере изолированно функционировать в своей локальной среде, сказанное не означает, что основанные на таких системах племенные мировоззрения и убеждения являются «истинами». Иногда сторонники релятивизма формулируют свое мнение при помощи утверждения о том, что субъекты с различными системами убеждений не разделяют общепринятый «мир», причем понятие «мир» здесь используется в смысле некоторого необъективного мира. Например, Т. Кун утверждает, что ученые, придерживающиеся различных парадигм, «живут в разных мирах». Однако эти утверждения лишь служат примерами относительности убеждений, а не свидетельствуют о релятивном характере истины и реальности. То же самое возражение можно выдвинуть и против некоторых социологов науки и современных социальных конструктивистов [8, ch. 9].

III. Истина: монадическая или относительная?

Тарский отверг идею относительности истины вслед за своими учителями из Львовско-Варшавской школы Т. Котарбинским и С. Лесневским [1]. Ясно, что целью Тарского в 1933 г. было определить понятия *материальной и фактической истины*, несмотря на его нежелание использовать традиционные выражения, такие как «соответствие фактам» и им подобные. Как показывает Т-эквивалентность (8), истинность предложения зависит только от положения дел в реальном мире или от «класса всех объектов». Когда Тарский представил свой семантический подход в Париже в 1935 г., М. Кокошиньска на том же конгрессе отметила, что Тарский определил «абсолютное» понятие истины [30].

Ссылаясь на «гёттингенскую школу, группировавшуюся вокруг Гильберта», Тарский добавил, что истина также может быть определена относительно «некоторой индивидуальной области», которая является некоторым подмножеством класса всех объектов [19, p. 199]. У. Ходжес утверждал, что у Тарского понятие «истины на структуре» появляется не ранее 1950-х годов, т. е. когда возникает развитая теория моделей [31]. Воленский и Саймонс считают, что для Тарского «релятивизация по отношению к некоторой индивидуальной области не является релятивизацией по отношению к некоей модели» [2, p. 442]. Вместе с тем есть веские причины не согласиться с такими выводами [14]. Тарский нуждался в понятии модели уже в своей

работе о логическом следовании в 1935 г., и его несколько специфическая конструкция обеспечивает интерпретацию любой внелогической константы (индивидуальной константы, предиката) на данной предметной области [19, р. 56]. Некая индивидуальная предметная область, взятая вместе с языком, интерпретированным на этой области, и в самом деле порождает некоторую структуру или модель, в смысле появившейся в дальнейшем теории моделей. Подход Тарского к реляционным системам и моделям, сформулированный им впоследствии, можно понимать таким образом, что его теоретико-множественные конструкции делают истинные предложения истинами [32].

Важной особенностью ранней теории Тарского является тот факт, что она основывается на допущении о применимости понятия истины исключительно к некоторому уже интерпретированному языку. Когда в 1936 г. Кокошиньска выдвинула идею о том, что понятие истины относительно в связи с понятием смысла, Тарский отметил, что было бы проще считать понятие истины относительным в связи с понятием языка [2, р. 416; 6, р. 328]. Похоже, что Тарский и сам не осознавал, что его концепция интерпретированного языка уже предполагает нечто вроде смыслов. На деле он никогда явным образом не высказывался об условии интерпретированности некоторого языка. В этом отношении идеи логической семантики Р. Карнапа, выдвинутые в конце 30-х годов, и его «Введение в семантику» (1942) были шагом вперед по сравнению с работами Тарского 1936 и 1944 г. Карнап считал, что семантическая система S состоит из некоторого языка — множества неинтерпретированных синтаксических знаков и функции обозначения Des , присваивающей имена обозначаемым объектам; предикаты обозначают свойства объектов и отношения между объектами, а предложения обозначают высказывания, — наподобие того, как это обстоит в появившейся позднее теории моделей. Тогда:

(C) Предложение s истинно в S , если и только если имеется пропозиция p , такая что s обозначает p , и p [33].

(C) — это карнапов аналог T-схемы Тарского, которая может быть выражена в эксплицитной форме следующим образом:

(T) Если в метаязыке ML p является переводом предложения s языка L , тогда s в L истинно, если и только если p .

Согласно Киркхэму, если в схеме (C) вместо пропозиций подставить описания положений дел, то она будет выражать «суть» корреспондентной теории истины [17].

В развитой теории моделей Тарского 1950-х годов истина предложения s в языке L на модели или на L -структуре W опосредуется третьим фактором, а именно функцией интерпретации I из L в W . Таким образом, истина или ложь в L относительна к модели W и интерпретации I . Может возникнуть вопрос: включает ли такая ссылка на язык L и модель W своего рода релятивизм в теории истины [2, р. 421]? Хотя Карнап подчеркивал, что схема (C) применима к любому языку L , в дальнейшем он выдвинул идею о том, что помимо относительного в связи с языком понятия истины, определенного схемой (C), существует также «абсолютное» — в его, Карнапа, терминах — понятие истины [34]. Как и Фреге, Карнап допускал, что если предложе-

ния в разных семантических системах могут обозначать одну и ту же пропозицию (например, «*snow is white*» и «*Schnee ist weiss*» выражают одну и ту же пропозицию «снег бел»), то можно говорить, что некая пропозиция p истинна. Таким образом, Карнап потребовал, чтобы определение истины для пропозиций имело бы следующее следствие:

- (10) Пропозиция p истинна, если и только если для каждой системы S и каждого выражения s в S , если s обозначает p в S , тогда s истинно в S .

Если пропозиции понимаются как абстрактные сущности и носители истины, то (10) выражает твердый семантический принцип, согласно которому сами пропозиции и их истинностные значения доступны только через предложения, обозначающие эти пропозиции. Таким образом, истина пропозиции является производной от истины соответствующего интерпретированного предложения. Но следующий шаг Карнапа представляется проблематичным — речь идет о его определении абсолютной истины:

- (11) Пропозиция p истинна =_{df} p [5, p. 90].

Согласно Карнапу, это понятие не семантическое, так как оно не включает в себя отношений обозначения, в силу чего оно отличается от понимания «абсолютной истины» в смысле Кокошиньской [34, p. 240]. Проблематичность этой идеи Карнапа заключается в том, что (11), взятое в качестве некоторого *определения* истины (т. е. истинно, что p , если и только если p), делает истину избыточной и ведет к дефляционистскому понятию истины [35].

А. Пап также поддерживает идею Карнапа о том, что истина есть характеристика пропозиции [22]. Вместе с тем на основе схемы (10) он утверждает, что Карнап считает выражения « s истинно» и « p » логически эквивалентными, в чём сам Пап усматривает ошибку, так как высказывание « p » не влечет существования каких-либо предложений s . Однако Пап упускает из виду тот факт, что эквивалентность, заданная в схеме (10), является условным предложением, основанным на допущении о том, что s обозначает p , и, таким образом, эта эквивалентность обусловлена также существованием предложения s .

В своих более поздних работах Карнап развивал идею о пропозициях как функциях из возможных миров к истинностным значениям [33], и она привела к открытию С. Кангером и Я. Хинтиккой семантики возможных миров в 1957 г. Если пропозиции — это подмножества определенного класса возможных миров, то ясно, что истинность конкретной пропозиции зависит от ее отношения к выделенному миру, т. е. от того, является ли этот выделенный мир элементом данного класса возможных миров. Другими словами, должно быть нечто такое в выделенном мире, что делает пропозицию истинной и определяет, какая именно из взаимоисключающих пропозиций на деле является истинной. В этом смысле уже сама пропозиция подразумевает некую семантическую относительность в связи с данным миром, и (10) — это способ сделать данную связь эксплицитной.

Сформулируем сказанное более точно. Выделенный мир W есть один из возможных миров, поэтому понятие фактической истины может быть определено

в рамках теории моделей [8, p. 220–226]. Пусть пара $K = (L, I)$ есть произвольная интерпретированная лингвистическая конструкция. Значения функции интерпретации I для внелогических терминов L на области актуальных объектов в W составляют L -структуру $W(K)$. Эта структура состоит из фактов мира W с точки зрения конструкции K . Здесь $W(K)$ не является эпистемическим понятием — это не то, что мы полагаем о мире W , но то, что язык L способен сказать о мире W , если этот мир W исследовать при помощи конструкции K . Фактическая истина о W в языке L , интерпретированная с помощью I (или с помощью значений, заданных I), устанавливается посредством сформулированного Тарским теоретико-модельного определения истины на структуре $W(K)$. Нет никакой нужды в том, чтобы допускать вместе с метафизическими реалистами [24] наличие некоей идеальной конструкции K_{id} , охватывающей всё многообразие выделенного мира W , так что $W = W(K_{id})$. Напротив, всякая концептуальная конструкция K схватывает только какой-то отдельный фрагмент неисчерпаемой реальности W . Но для каждой конструкции K истина объективна в следующем смысле: мы можем выбрать L и I , но мир W определяет соответствующие истинностные значения. Истина в $W(K)$ есть тем самым истина об актуальном мире. Для других конструкций K' имеются другие истины в $W(K')$, но, будучи описаниями того же мира W , они не могут логически противоречить истинам K . Это означает, что «подлинного релятивизма» в смысле Кокошинской [17] удастся избежать. Таким образом, отстаиваемая здесь позиция не является релятивистской. Она скорее выражает концептуальный плюрализм: мир может быть описан посредством альтернативных лингвистических конструкций, и все они могут предложить нам интересные объективные истины.

В заключение отметим, что релятивизация истины относительно некоего выбранного класса объектов или некоторой модели есть естественное следствие относительного характера истины как семантического отношения между языком и миром. В противовес этому в своей кампании против релятивизма Каппелен и Хоуторн [36] утверждают, что истина и ложь суть *просто (simpliciter)* монадические свойства пропозиций, являющиеся более фундаментальными, чем относительное свойство быть *истинным* в некотором мире. Например, монадическая истина или ложь пропозиции, в которой утверждается, что не существует говорящих обезьян, «определяется тем, есть ли говорящие обезьяны в реальности, являющейся единственной реальностью, которая есть» [36, p. 78]. Поэтому ключевая идея семантики возможных миров состоит не в том, что возможные миры есть дополнительные реальности, но скорее в том, что понятие фактической истины есть частный случай общего понятия истины на некоторой модели, как уже было показано выше. Каппелен и Хоуторн допускают, что понятие «быть истинным в некотором мире» может играть какую-то роль в семантике, но они не объясняют, каким образом это относительное понятие может быть выражено при помощи монадических свойств истины и лжи.

IV. Носители истины и неполные предложения

В основе концепций относительной истины иногда лежат специфические представления о носителях истины (*truth-bearers*). Еще в 1900 г. К. Твардовский отстаивал идею абсолютной истины, подчеркивая различия между предложениями и теми суждениями, которые эти предложения выражают в конкретных случаях [2, p. 397;

1, p. 47]. Например, предложение «идет дождь» является неполным, или эллиптическим, и его можно сделать полным при помощи пространственно-временных уточнений, т. е. «Идет дождь в Кракове 21-го октября 2010 года». Хотя может показаться, что неполное предложение может быть иногда истинным, а иногда ложным, полное же суждение как надлежащий носитель истины является либо абсолютно истинным, либо абсолютно ложным, в зависимости от фактов о городе Кракове в тот день. Если оно истинно, то оно истинно всегда, начиная с указанного момента времени и далее.

Такой подход сегодня рассматривается как стандартный способ приписывания истинностных значений утверждениям с помощью индексных выражений, таких как «мы», «здесь», «сейчас». В данной расширенной трактовке истинностно-значимой семантики Тарского истина определяется посредством интерпретации (значения), мира (модели) и контекста (включая агента, местоположение и время).

К. Твардовский в дальнейшем предложил применить этот подход к выражениям, которые очевидным образом носят относительный характер — к суждениям вкуса и этическим правилам. Случаи такого типа в последнее время обсуждают сторонники новой школы релятивистской трактовки истины [3]. Примерами здесь могут служить суждения вкуса («Д. Депп красивее, чем Б. Питт»), эпистемические модальности («убийцей, возможно, был дворецкий»), суждения о знаниях агентов («Чарльз знает, что у него есть руки»), ценностные суждения («честность — это хорошо»), нормативные утверждения («никто не должен убивать») и суждения о будущих случайных событиях («Испания — чемпион мира по футболу — 2010», высказанное до 2010 года). Стратегия релятивистов, в значительной мере вдохновленная Д. Капеланом, заключается в том, чтобы трактовать эти утверждения как пропозиции особого сорта, сопоставимые с временно неопределенными предложениями, истинностное значение которых изменяется относительно дополнительных факторов — например, норм вкуса, состояния знания, правовых норм, систем морали, а также времени произнесения.

Вопреки релятивистам Капелен и Хоуторн отстаивают контекстуалистскую точку зрения о том, что контекст произнесения некоего повествовательного предложения определяет некоторую пропозицию, являющуюся абсолютно истинной или абсолютно ложной. (Если довод в разд. III верен, то достаточно, чтобы такое понятие абсолютной истины было выражено посредством теории моделей.) Данный умеренный контекстуалистский подход признает, что, как правило, предложения, рассматриваемые упомянутыми новыми релятивистами, включают в себя скрытые индексные выражения. Так, Капелен и Хоуторн понимают предикаты суждений личного вкуса (например, «Кататься на лыжах здорово») как индексные утверждения (т. е. «Для меня кататься на лыжах здорово», «Для нас кататься на лыжах здорово», «Для всех кататься на лыжах здорово»).

Этот контекстуалистский подход, похоже, неплохо действует во многих случаях, но можно усомниться в его пригодности для суждений морали, которые несводимы к субъективным утверждениям о позициях отдельных людей. Умеренный моральный релятивизм можно отстаивать при помощи требования, чтобы категорические ценностные суждения (например, «убийство — это неправильно») были дополнены отсылкой к некой аксиологической системе (т. е. «убийство — это неправильно, согласно этическим принципам христианства») или к нормативному кодексу, принятому некоторым сообществом (т. е. «убийство — это наказуемое преступление,

согласно правовому порядку, принятому в Финляндии») [8, ch. 8.2]. Утверждения такого рода обладают объективным истинностным значением при условии подобного уточнения, которое в целом не всегда однозначно определяется контекстом произнесения. Поэтому не следует данную разновидность умеренного морального релятивизма считать примером алетического модального релятивизма касательно истины.

Литература к предисловию переводчика

1. Лисанюк Е. Н. Когнитивные характеристики агентов аргументации // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2013. Вып. 1. С. 13–21.
2. Мигунов А. И. Семантика аргументативного речевого акта // Мысль: Аргументация: сб. статей / отв. ред. А. И. Мигунов, Е. Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 35–41.
3. Микиртумов И. Б. Логика предмета Эрнста Малли: между логическим следованием и понятием причины // Материалы XII Российско-финского коллоквиума по логике 14–16.06.2012. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 89–102.

Литература

1. Wolenski J. Logic and Philosophy in the Lvov-Warsaw School. Dordrecht: Kluwer, 1989. 392 p.
2. Wolenski J., Simons P. De Veritate: Austro-Polish Contributions to Truth from Brentano to Tarski / ed. by K. Szaniawski // The Vienna Circle and the Lvov-Warsaw School. Dordrecht: Kluwer, 1989. P. 391–442.
3. Garcia-Carpintero M., Kölbel M. (eds.). Relative Truth. Oxford: Oxford University Press, 2008. 314 p.
4. Niiniluoto I. The Poverty of Relative Truth / eds T. Aho, A.-V. Pietarinen // Truth and Games: Essays in Honour of Gabriel Sandu. Helsinki: Societas Philosophica Fennica, 2006. P. 165–174.
5. Niiniluoto I. Against Relative Truth / eds K. Mulligan, K. Kijania-Placek, T. Placek // The History and Philosophy of Logic: Essays in Honour of Jan Wolenski. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2013. 288 p.
6. Wolenski J. Tarski as a Philosopher / eds F. Coniglione, R. Poli, J. Wolenski // Polish Scientific Philosophy: The Lvov-Warsaw School. Amsterdam: Rodopi, 1993. P. 319–338.
7. Niiniluoto I. Truthlikeness. Dordrecht: D. Reidel, 1987. 518 p.
8. Niiniluoto I. Critical Scientific Realism. Oxford: Oxford University Press, 1999. 341 p.
9. Tarski A. The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics // Philosophy and Phenomenological Research. 1944. No 4. P. 341–375.
10. Burnyeat M. (ed.). The Skeptical Tradition. Berkeley: University of California Press, 1983. 450 p.
11. Niiniluoto I. Scepticism, Fallibilism, and Verisimilitude / ed. by J. Sihvola // Ancient Scepticism and the Sceptical Tradition. Helsinki: Societas Philosophica Fennica, 2000. P. 145–169.
12. Popper K. Objective Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 1972. 390 p. (Рус. пер.: Поннер К. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.).
13. Ниинилуото И. Как определить правдоподобие? // Исследования по неклассическим логикам: сб. ст. / под ред. А. В. Смирнова. М.: Наука, 1989. С. 285–297.
14. Niiniluoto I. Tarskian Truth as Correspondence — Replies to Some Objections / ed. by J. Peregrin // Truth and its nature (if any). Dordrecht: Kluwer, 1999. P. 91–104.
15. Boyd R. The Current Status of Scientific Realism / ed. by J. Leplin // Scientific Realism. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 41–82.
16. Kirkham R. L. Theories of Truth: A Critical Introduction. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. 401 p.
17. Wright G. H. von. Truth and Logic // Philosophical Papers III. Oxford: Blackwell, 1984. P. 26–41.
18. Wright G. H. von. Truth-Logics // Six Essays in Philosophical Logic. Helsinki: Societas Philosophica Fennica, 1996. P. 71–91.
19. Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. Oxford: Oxford University Press, 1956. P. 152–278.
20. Krausz M., Meiland J. W. (eds.). Relativism: Cognitive and Moral. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1982. 260 p.
21. Siegel H. Relativism / eds I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Wolenski. Dordrecht: Kluwer, 2004. P. 747–780.
22. Pap A. Note of the 'Semantic' and the 'Absolute' Concept of Truth // Philosophical Studies. 1952. No. 3. P. 1–8.

23. *Putnam H.* Reason, Truth and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 236 p. (Рус. пер.: Патнэм Х. Разум, истина и история / пер. с англ. Т. А. Дмитриева, М. В. Лебедева. М.: Праксис, 2002. 296 с.).
24. *Siegel H.* Relativism Refuted: A Critique of Contemporary Epistemological Relativism. Dordrecht: D. Reidel, 1987. 240 p.
25. *Dummett M.* Truth and Other Enigmas. London: Duckworth, 1978. 470 p.
26. *Niiniluoto I.* Information, Meaning, and Understanding / eds L. Lundsten, A. Siitonen, B. Österman // Communication and Intelligibility. Helsinki: Societas Philosophica Fennica, 2001. P. 43–54.
27. *Hempel C. G.* On the Logical Positivists' Theory of Truth // Analysis. 1935. No 2. P. 49–59.
28. *Habermas J.* Moralbewusstsein und kommunikativen Handeln. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. 208 p. (Рус. пер.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева; послесл. Б. В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 379 с.).
29. *Niiniluoto I.* Science as Collective Knowledge / eds M. Sintonen, P. Ylikoski, K. Miller // Realism in Action. Dordrecht: Kluwer, 2003. P. 269–278.
30. *Kokoszynska M.* Über den absoluten Wahrheitsbegriff und einige andere semantische Begriffe // Erkenntnis. 1936. No 6. P. 143–165.
31. *Hodges W.* Truth in a structure // The Proceedings of the Aristotelean Society. 1986. No 86. P. 135–151.
32. *Niiniluoto I.* Tarski's Definition and Truth-Makers // Annals of Pure and Applied Logic. 2004. No 126. P. 57–76.
33. *Niiniluoto I.* Carnap on Truth / ed. by T. Bonk // Language, Truth, and Knowledge: Contributions to the Philosophy of Rudolf Carnap. Dordrecht: Kluwer, 2003. P. 1–25.
34. *Carnap R.* Introduction to Semantics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1942. 263 p.
35. *Horwicz P.* Truth. Oxford: Blackwell, 1990. 176 p.
36. *Cappelen H., Hawthorne J.* Relativism and Monadic Truth. Oxford: Oxford University Press, 2009. 148 p.

Статья поступила в редакцию 3 марта 2013 г.